

Ужасно шумно в ДОПРе номер первом

В пачке вырезок из одесских газет, переданных мне одним "германским" одесситом, был лист из "Всемирных одесских новостей", где в небольшой заметке Ян Топоровский сообщил об одной любопытной находке в израильских архивах.

Там приводится текст песни-пародии на "Дом Шнейерсона" Мирона Ямпольского под названием "Допровская свадьба". Место написания текста — Одесский ГубДОПР, Политкорпус, камера № 52, время написания — 1924 год. Автор пародии — Левица Гиммельфарб. Топоровский сетует на невозможность разыскать сведения об этом авторе и его сокамерниках Боре Хаймовиче и Боре Гербере, упоминаемых в тексте.

Я знаю, кто такой Левица Гиммельфарб, так как много лет проработал с его родным братом Борисом Климентьевичем Гиммельфарбом, был знаком с матерью Полиной Наумовной, сестрой Беллой.

Лев (Левица — домашнее имя и кличка в молодежной сионистской организации) Гиммельфарб действительно был арестован в 1924 году и отбывал наказание. К счастью, он и его сокамерники-подельники были выпущены на свободу с предписанием отбыть из Одессы специальным парохомом вместе с другими активными сионистами. Пароход отплыл под исполнение пассажирами "Ха Тиква".

Сообщаю, что для проверки моих сведений, полученных свыше 40 лет тому назад, я позвонил в Нью-Йорке кузине Левицы Розалии Абрамовне Векслер (урожденная Кордонская), вдове известного в Одессе ныне покойного художника Абрама Иосифовича Векслера и матери ныне живущего в Нью-Йорке также известного художника-графика Виталия Абрамовича. Эта весьма пожилая женщина все помнит, и подтвердила мои знания.

Топоровский мог до бесконечности пытаться разыскать сведения о Левице, ибо тот в Израиле известен как Леви Иерушалми, видный ученый, военный и политический деятель. В Израиле, в городе Беершеба живет его младшая сестра Белла Кан.

Среди братьев Левицы были, кроме названного выше Бориса, еще два брата, один из которых (не помню имени) был в 30-е годы репрессирован, его сын был одним из руководителей работ по созданию антиселевых защитных сооружений в районе Алма-Аты. Среди их кузенов был Яков Гиммельфарб, доктор медицинских наук, в годы войны полковник, глав-

ный эпидемиолог Черноморского флота, организатор создания благоприятной эпидемиологической обстановки в освобожденном от гитлеровцев Севастополе.

Интересен факт участия этого человека в помощи матери Левицы Полины Наумовны в деле получения ею разрешения на выезд на ПМЖ в Израиль еще в 1967 году.

Эта женщина преклонных лет, жившая во Львове в семье дочери Беллы, горевала, что уйдет из жизни, так и не увидев любимого сына. Было решено добиваться права на отъезд. Вспомним, что это происходило до начала массового выезда в Израиль.

Львовский ОВИР по указанию свыше потребовал представить документ, подтверждающий пребывание Полины Наумовны во время рождения Левицы в законном браке с его отцом. Ведь Левица в момент высылки не имел с собой синагогального метрического свидетельства, а у его матери к 1967 году документы 60-летней давности не сохранились. Все родственники приуныли, но Яков сказал, что все можно подтвердить свидетельскими показаниями в суде.

И он в лучшем своем костюме со всеми правительственными орденами и медалями поведal во львовском суде о том, как проходило венчание тети Поли и дяди Калмана в одной из одесских синагог, как родственники и он, мальчик, в их числе, весело ехали на извозчиках в Очаков, где потом шумно и очень весело игралась свадьба. На основании этого рассказа суд выдал документ о том, что Левица был рожден в законном браке, а не в грехе.

Сам Борис Климентьевич, в годы войны финансист крупного военного подразделения, проявил большую личную храбрость, собрав группу бойцов, с которой бросился в горящий поезд и спас от огня огромную сумму денег, доставленную командиру части. Тот, генерал, приказал составлять документы на представление Гиммельфарба к ордену Боевого Красного Знамени. Пришлось попросить генерала этого не делать, так как при проверке в наградном отделе в Москве обязательно выяснили бы на Лубянке, что один брат представляемого — видный сионист, высланный за пределы СССР, а другой брат репрессирован по статье 58. Генерал обнял Бориса, поблагодарил за сказанное, они выпили с ним по стакану трофейного французского коньяка. Генерал признался: он скрывает, что сын священника.

Левица в начале 60-х годов сопровождал в качестве одного из администраторов футбольную команду Израиля на чемпионат в Москве. Тогда ему не удалось встретиться с матерью, братом и сестрой, о чем его предупредили соответствующие официальные лица.

В 1966 году он официально, как турист, посетил Одессу, причем выходил на улицу и в театры в военной израильской форме. Никто не понимал, что это за форма, но все удивлялись его безукоризненному русскому языку.

Интересно, что появилось немало весьма благополучных лиц, русских или украинцев по паспорту, просивших Левицу рассказать о судьбе своих родственников, уехавших в тогда подмандатную британскую Палестину. О некоторых он знал, о других потом навел справки и сообщил.

Думается, что о Леви Иерушалми Ян Топоровский найдет в Израиле много материалов и сообщит во "Всемирные одесские новости" интересную информацию о нашем весьма достойном земляке.

Допровская свадьба

Ужасно шумно в ДОПрЕ номер первом,
Такой там "хай", что прямо дым идет,
Бьет надзирателей по нервам,
И все там ходором идет.

Дрожит все в коридоре — двери, окна,
И надзиратель в ужасе свистит.
Куда свистку?! Его не слышно,
То Зяма Горник сапогом стучит.

А староста — высокий и угрюмый —
На лестнице стоит, как капитан.
Улыбкой сжаты его губы.
Он ждет, но придет... Сам.

Уже устали руки у стучащих,
И пущены теперь ботинки в ход.
Суетится отделенный,
От пота свой раскрывший рот.

А Зорин на постели своей мягкой
Минут пятнадцать спать он... успел.
"Спасайте, убивают, грабят!" —
Гонец взъерошенный влетел.

Позвав из ГПУ себе машину,
Поехал Зорин в ДОПР на беду.
"Что тут случилось, мне скажите?!" —
Кричит он Боре на ходу.

"Все заключенные хотят от Вас прогулок,
Хотят, чтоб следствие пошло теперь скорей,
Чтоб надзиратель не ругался,
Чтоб в ДОПРе был режим слабей".

"Что значит — заключенные бунтуют?!
Какие в ДОПРе есть у них права?
Обед дают им и прогулки.
Что тут собралась за шпана?"

Зорина замашки были грубы —
И староста не мог ему молчать.
Он с силой двинул ему в зубы.
И стали все в дверь заключенные стучать.

Нюрнберг

